

НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОБЪЕДИНЁННОЙ ЕВРОПЫ

Мария Львова

Три недели июля в столице французского Прованса Авиньоне всегда царит театральное раздолье. Нынешним летом всеобщее благодушие едва не было сорвано не только погодой, необычно прохладной и дождливой для середины лета, но и бастующими работниками-почасовиками театрально-фестивальной индустрии, которые протестовали против реформы бюджета, направленной на снижение льгот для них.

По старинной брусчатке шагают люди на ходулях, ярко-красное пианино вместе с музыкантом едет на красной тачке, у рынка встречается мольеровский Оргон в бархатном халате и тапочках, по узким улочкам толкаются Коломбины и Аватары, между официантами в уличных кафе снуют ужасники в противогазах на голое тело, древние римляне в тогах и хеллоуиновские ведьмочки. Все эти обаятельные фрики зазывают на свои спектакли, протягивая яркие листовки и на все лады расхваливая ожидающее нас зрелище. Утренняя очередь в булочную за свежим багетом смешивается с очередью в неприметную подворотню, в которой вот-вот начнется спектакль. Афишами заклеены мусорные баки, светофоры, стволы деревьев и дома до третьего этажа включительно. Около каждого забора кто-то балансирует со степлером, пытаясь прикрепить повыше очередной пёстрый лист. На ступенях церквушки, деревянно растопырив руки, сидит немолодая худая женщина с безумным взглядом, вокруг неё валяются предметы реквизита и одновременно партнёры – десятки голых кукол Барби. У пологого входа в сады Папского дворца устроил представление йог-виртуоз.

Начало деятельности нового руководителя Авиньонского фестиваля Оливье Пи ознаменовалось бурными выступлениями технических служб и актёров – шествия, речи, растяжки, буканье и топанье публики, плакаты и сидячие митинги перед театрами. Подобные события в 2003 году привели к полной отмене проекта и огромным финансовым потерям. Повторения этого фестиваль не перенёс бы. Однако первый день смотра все-таки был сорван, некоторые спектакли программы не состоялись и в следующие дни. Но катастрофы удалось избежать, и в основном всё прошло по расписанию. Перед каждым представлением со сцены звучали гневные слова в адрес правительства, многие носили на

одежде, да и на сценических костюмах символ протеста и солидарности – красный квадратик из ткани.

Спасший осторожной и умелой дипломатией фестиваль от развала, бывший худрук парижского «Одеона» Оливье Пи на новом посту стремится привлечь в театр молодую публику – проблема старения театрального зрителя не обходит стороной и Европу. Впервые в истории Авиньона целая отрасль основной программы посвящена детям и спектаклям для них. Ещё одно новшество – гибкая система цен на билеты и большие скидки для молодёжи.

Что касается основной фестивальной афиши, то знатоки сочли её не слишком многообещающей и не слишком программной, ставка сделана на малоизвестные имена начинающих режиссёров и драматургов. Из знаменитостей в Авиньон приехали Алан Платель, Эмма Данте, Иво ван Хове, Джорджо Барберико Корсетти и, наконец, Томас Остермайер со спектаклем «Замужество Марии Браун» (в 2008 году представленным в Москве). Основной тенденцией оказался высокий профессионализм постановок (что не новость для Авиньона, одного из главных мировых театральных форумов) в сочетании с отсутствием явного и ясного высказывания. Точнее, с возможностью наполнять увлекательный сценический сюжет бесконечным многообразием идей по собственному выбору. Да и без этого, в сущности, тоже можно обойтись.

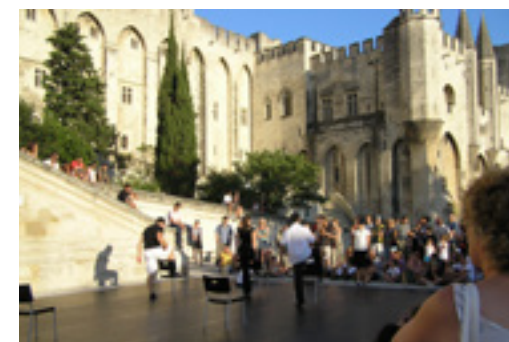

Фото: Christophe Raynaud de Lage

BEING YOUNG, GIFTED AND BLACK

Гримасничая, приплясывая и сверкая улыбками, четырнадцать музыкантов в одинаковых костюмах с развевающимися клёшами и золотой подкладкой пиджаков врываются на сцену, потрясая пластиковыми стульями. Все по очереди замирают по команде дирижёра-гитариста – он такой же белозубый и ослепительный, но отличается от остальных сверкающей заклёпками бейсболкой и очень серьёзным выражением лица. Основой спектакля Алана Плателя *Coup Fatal* («Смертельный удар») стала музыка эпохи барокко – Бах, Гендель, Монтеверди. Нежные арии, неохотно выдающие своё классическое происхождение, звучат то в игриво-фольклорной, то в джазово-блюзовой интерпретации. Ритуальные пляски, заунывные фаду, джазовые синкопы, рэперские речитативы, захватывающая дух перкуссия, мюзик-холльные эскапады совершенно не противоречат вокальной кантилене солиста, контратенора Сержа Какуджи – единственного, у кого есть академическое музыкальное образование. Танцуют все, каждой частью тела, кажется, даже зубами и причёсками, производят самые невероятные звуки, меряются мускулами, устраивают показательные драки, кокетничают с публикой, переодеваются и дурачатся. Разыгрывают каждую мелодию, сюжет – движение и развитие звука, высшая, труднейшая точка мелодии может увенчаться ку-

вырком или виртуозным сальто. Бурное веселье сменяется драматическими гитарными переборами и разрешается вариацией, мелодической и пластической, которая напоминает чуть ли не «Лебединое озеро». Элементы брейк-данса вторгаются в трагическую арию – умирающая и возрождающаяся радость бытия утверждает себя. «Мы молоды, талантливы и мы чёрные», – со всеми на то основаниями гордятся удивительные музыканты из Конго.

РОМАНТИЧЕСКАЯ МАРИОНЕТКА

В «Принце Гомбургском» итальянца Джорджо Барберико Корсетти всё решает выбор актёров. Главный герой в исполнении Ксавье Галле безумен, неотразим и нелеп, как и положено уважающему себя романтическому герою Генриха фон Клейста. Его избранница незначительна: тонкие каблочки, зыбкие плечики, постное выражение

Фото: Christophe Raynaud de Lage

лица – важен сам факт обожания, а не его объект. Мудрая, всё понимающая курфюрстина сдержанно пылка – если бы не возраст, сама бы поборолась за этого принца. Спектакль поставлен специально для главной площадки Авиньонского фестиваля – Почётного двора Папского дворца. Окна дворцовой сцены становятся глазами и ртами ужасных мультипликационных физиономий, гигантские пульсирующие часы отсчитывают минуты жизни принца, с саблей наперевес он скачет в бой на спине рисованной лошади (примерно на высоте метров восьми-десяти над поверхностью сцены), красно-белые всполохи изображают битву. В финале честь принца восстановлена, ему торжественно вручают саблю и подвешивают за руки и за ноги в торжествующей позе – эффектная, но бессмысленная марионетка снова идёт в бой.

ПО-ЯПОНСКИ ПРО ИНДИЙЦЕВ С ПЕРЕВОДОМ НА ФРАНЦУЗСКИЙ

В том самом карьере Бульбон в 15 километрах от Авиньона, где почти 30 лет назад Питер Брук показывал легендарную многочасовую «Махабхарату», японские актёры под руководством Сатоши Мияги сыграли свою версию индийского эпоса, точнее, одного из его эпизодов – истории царя Наля и его возлюбленной Дамаянти. В японской «Махабхарате» есть всё, за что мы любим японский театр: минимализм при роскоши эффектов, изощрённость при кажущейся лёгкости, виртуозное владение телом и голосом, экзотика нарядов, пластики, музыкальных инструментов, непривычный юмор, а главное – незримая, но непрерываемая власть некоего незнакомого порядка, высшей гармонии, обещающей, что всё непременно будет если не хорошо, то правильно. И происходит это на узком и высоком помосте между зрительскими рядами и неровной каменной стеной карьера, под медленно темнеющим небом Франции.

Фото: Christophe Raynaud de Lage

Из сильных впечатлений фестиваля: щемящая и головокружительно темпераментная семейная драма Эммы Данте «Сёстры Макалузо» на палермском диалекте итальянского («Театро Стабиле», Неаполь); шокирующая почти полным отсутствием музыки Моцарта, да и вообще пения опера «Дон Жуан. Последняя вечеринка», в которой добрая сотня барышень и дам из публики весь второй акт проводит на сцене вместе с актёрами (театр «Талия», Гамбург, режиссёр Анту Ромеро Нунес); документальный танец-исследование – израильский хореограф Аркадий Зайдес пытается движением осмыслить многочасовые видеозаписи жизни еврейских поселенцев на оккупированных территориях на Западном берегу реки Иордан; постановка Иво ван Хове и нидерландского театра «Тонелгрупп Амстердам» программного романа Айн Рэнд «Источник», поразившая технологичной визуальностью и холодноватой иллюстративностью; наконец, спектакли самого Оливье Пи, прежде всего «Орlando, или Нетерпение» – очень французская и очень многословная история о театре, о философии, о политике, о сексе, обо всём и ни о чём.

Авиньонский смотр, пионер мирового театрально-фестивального дела, существует уже седьмой десяток лет. Он по-прежнему остаётся не только образцом и примером, но живым пространством социально-политической борьбы и художественных свершений.

NATIONAL DIVERSITY OF THE UNITED EUROPE

Maria Lvova

FOR THREE WEEKS IN JULY THEATRE GETS FREE REIN IN AVIGNON, THE CAPITAL OF FRENCH PROVENCE. THIS SUMMER THE GENERAL GOOD NATURE OF THE FESTIVAL WAS ALMOST BROKEN BY BOTH THE WEATHER, UNUSUALLY COLD AND RAINY FOR MIDSUMMER, AND BY THE STRIKING PART-TIME WORKERS OF THE THEATRE FESTIVAL INDUSTRY, WHO WERE PROTESTING AGAINST A BUDGET REFORM, AIMED AT LOWERING THEIR BENEFITS.

Photo by Christophe Raynaud de Lage

People on stilts stride along the old cobblestones, a bright red piano is riding on a red cart together with a musician, Molière's Orgon in a velvet robe and slippers is seen near the market, Colombinas and Avatars jostle about through the narrow streets, characters from horror movies wearing nothing but gas masks, ancient toga-clad Romans and Halloween witches scurry about in the midst of waiters at street cafes. All of these charming freaks are there to invite audiences to their performances, handing out bright pamphlets and singing all kinds of praises to a spectacle that awaits us. A morning queue lined up to buy fresh baguettes at a local boulangerie mixes together with another queue that disappears inside an unremarkable passageway, where a performance is about to start. Playbills are pasted over trashcans, traffic lights, tree trunks, and houses all the way up to the third floor. A stapler toting individual is teetering precariously near every fence, trying to staple yet another colorful piece of paper just a little higher. A thin elderly woman with a crazed look in her eyes is sitting on the steps of a small church, her hands and feet splayed out woodenly, dozens of naked Barbie dolls – her props and partners – are scattered all around her. A virtuoso yogi is performing in front of the gently sloping entrance to the Popes' Palace gardens. The beginning of Olivier Py's career as a new director of the Avignon Festival was marked by tumultuous demonstrations from technical services and actors – marches, speeches, banners, clapping and stomping on the part of the audience, posters and sit-ins in front of theatres. In 2003, similar events led to an outright cancellation of the project and huge financial losses. The festival would not have survived a repeat of something like that. Nevertheless, the first day of the competition did end up being disrupted, and several of the programme's productions were not performed in the following days either. The festival managed to avoid a full-on disaster, however, and, for

Photo: Christophe Raynaud de Lage

the most part, everything went as planned. Every performance began with angry words directed from the stage toward the government, many wore a square of red fabric on their clothes and even their stage costumes – a symbol of protest and solidarity.

Olivier Py, former artistic director of Paris's Theatre de l'Odeon, managed to save the festival from collapse with his careful and skillful diplomacy. In his new capacity he seeks to attract young audiences to the theatre – the problem of ageing theatre spectators has affected Europe as well. For the first time in Avignon's history an entire branch of the main programme was devoted to children and productions created for them. Another new development – a flexible system of ticket pricing and big discounts for young people.

As far as the festival's principal playbill is concerned, experts found that it did not show sufficient promise and was not topical enough, bets were placed on lesser-known names of rising directors and playwrights. Celebrities that came to Avignon included Alain Platel, Emma Dante, Ivo van Hove, Giorgio Barberio Corsetti, and, last but not least, Thomas Ostermeier with the production of "The Marriage of Maria Braun" (which was shown in Moscow in 2003). The festival's central tendency was the high level of professionalism of its productions (which is nothing new for Avignon, one of the world's major theatre forums) coupled with the absence of explicit and clear statements. Or, to be more precise, with the opportunity to fill an en-

gaging theatrical plot with an endless variety of ideas of one's own choosing. And even that is not essential for that matter.

BEING YOUNG, GIFTED AND BLACK

Fourteen musicians, wearing similar suits with flapping bell bottoms and golden jacket linings, burst onto the stage, brandishing plastic chairs, making faces, dancing and flashing their smiles. One by one they all freeze at the signal given by their guitar player conductor – he is just as dazzling and has an equally flashy white-toothed grin, but he differs from the rest thanks to a sparkingly studded baseball cap and a very serious expression. Music of the Baroque era – Bach, Handel, Monteverdi – became the foundation for Alain Platel's production of "Coup Fatal" ("A Fatal Blow"). Delicate arias that reluctantly betray their classical origins are heard at times in playfully folkloric and at times in jazzy-bluesy interpretations. Ritualistic dances, plaintive fado, jazz syncopations, rap intonations, breathtaking percussions, and music hall type escapades do not interfere in the least with the vocal cantilena of the soloist, countertenor Serge Kakudji – the only one with academic musical education. Everyone dances, using every part of their body, even teeth and hairdos, it seems; they utter the most incredible of sounds, compare their muscles, put on show fights, flirt with the audience, change their costumes, and fool around. They act out every melody, the

Photo by Christophe Raynaud de Lage

Coup Fatal

Photo by Christophe Raynaud de Lage

"The Prince of Homburg"

plot – the movement and development of sound, the melody's highest, most complex point may culminate in a roll or a masterful somersault. Wild merriment gives way to dramatic guitar fingering and ends in a melodious and flexible variation that is reminiscent of something close to "Swan Lake". Elements of breakdance intrude upon a tragic aria – self-affirmation of the dying and re-arising joy of life. "We are young, gifted and black," the amazing Congo musicians announce with a well-justified pride.

A ROMANTIC PUPPET

In "The Prince of Homburg" by Italy's Giorgio Barberio Corsetti everything is determined by the actors' choice. The protagonist, played by Xavier Gallais, is mad, irresistible and absurd, as any self-respecting romantic hero of Heinrich von Kleist is supposed to be. The girl of his choice is nothing special: skinny heels, chilly shoulders, pious expression – it is the act of adoration itself that is important, not the object of it. The wise, all-understanding electress is guardedly passionate – if it weren't for her age, she would have been fighting for that prince herself. The production has been designed expressly for the Avignon Festival's principal stage – the Court of Honor of the Popes' Palace. The windows of the Palace wall become eyes and mouths of terrifying cartoonish faces, giant pulsating clock ticks off the minutes of the prince's life, with his sabre at the ready he gallops into battle atop a painted horse (roughly eight-ten meters above the

stage surface), red and white flashes represent battle. In the play's finale the prince's honor is restored, he is presented with a sword with great ceremony and is subsequently hung by his hands and feet in a triumphant pose – an effective but mindless puppet is once again charging into battle.

A JAPANESE VERSION OF AN INDIAN STORY TRANSLATED INTO FRENCH

Japanese actors under the direction of Satoshi Miyagi performed their own version of "Mahabharata", or rather one of its episodes – the story of King Nala and his beloved Damayanti, in the very same Boulbon Quarry, 15 kilometers outside of Avignon, where Peter Brook presented his legendary hours-long version of the Indian epic almost 30 years ago. The Japanese "Mahabharata" has everything that we love about Japanese theatre: its minimalism for all the magnificence of its special effects, its sophistication for all its seeming lightness, its masterful skill in handling body and voice, the exotic nature of its costumes, physical flexibility, musical instruments, its unusual humor, and, most importantly, an invisible yet indisputable authority of a certain unfamiliar order, a higher harmony that promises that everything will be right, if not alright. And it all takes place on a narrow high platform between the seats of the audience and the uneven rocky quarry wall, underneath the gradually darkening French sky.

The festival's strongest impressions were left by the following productions: Emma Dante's wrenching and dizzyingly temperamental family drama "Le sorelle Macaluso" delivered in Italy's Palermo dialect (Teatro Stabile di Napoli); "Don Giovanni. Last Party", an opera that is shockingly devoid of virtually any of Mozart's music or even singing, for that matter, and where a hundred or so young and older ladies from the audience spend the entire second act on stage with the actors (Thalia Theatre, Hamburg, directed by Ant Romero Nunes); a documentary dance explora-

tion – Israeli choreographer Arkadi Zaides attempts to interpret through movement the many hours of video recordings of the life of Jewish settlers in the occupied territories along the West Bank of the Jordan River; a production of Ayn Rand's major novel "The Fountainhead" by Ivo van Hove and the Netherlands' Toneelgroep Amsterdam Theatre that stunned the audience with its technological visualization and somewhat cold descriptiveness; and, last but not least, the productions of Olivier Py himself, and, particularly, "Orlando, or Impatience" – a very French and very wordy story about theatre, philosophy, politics, sex, about everything and nothing.

The Avignon Festival, this pioneer of world theatre festival industry, has already been in existence for over sixty years. It continues to be not only a model and an example, but also a living space for the socio-political struggle and artistic achievements.

Photo by Christophe Raynaud de Lage

"Mahabharata"